Прогрессивные верхи, консервативные низы. Традиционные ценности с позиций классового анализа[1]

Дмитрий Давыдов

Институт философии и права Уральского отделения
Российской академии наук (Екатеринбург)

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Аннотация. В статье значение и роль традиционных ценностей в современном обществе рассматриваются с позиций классового анализа. Показано, что марксизм и классовый анализ сегодня обычно ассоциируются с модерном и всем тем, что противоположно традиционным устоям общества. Это, согласно автору, верно характеризует прежде всего различные вариации западного нео- и постмарксизма, а также левые концепции, которые находятся под влиянием западного марксизма. Сегодня появляется все больше оснований считать, что западные левые повестки, связанные с систематическими нападками на традиционные ценности (woke-идеология, радикальный феминизм, гендерные теории и так далее), продвигаются преимущественно представителями новых элит — профессионального или образованного класса. Напротив, традиционные ценности, аналогичные перечисляемым в официальных российских документах (патриотизм, приоритет национальных интересов, этика самоотверженного труда, семейные ценности), либо чаще разделяются представителями социальных «низов» (прежде всего рабочим классом), либо являются важнейшим фактором их экономического благополучия. В связи с этим производится попытка переосмысления классового анализа как одного из инструментов конструктивного осмысления, а не критики традиционных ценностей.

Ключевые слова: традиционные ценности, марксизм, постмарксизм, модерн, классовая борьба, классовый анализ, консерватизм, рабочий класс, элиты.

Для цитирования: *Давыдов Д.* (2025). Прогрессивные верхи, консервативные низы. Традиционные ценности с позиций классового анализа // Patria. Т. 2. № 1. С. 53–74.

doi: 10.17323/patria.2025.26583

Progressive Elites, Conservative Workers. Traditional Values from the Position of Class Analysis

Dmitry Davydov

Institute of Philosophy and Law of the Ural branch
of the Russian Academy of Sciences (Ekaterinburg)

E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Abstract. The article examines the meaning and role of traditional values in modern society from the standpoint of class analysis. It is shown that Marxism and class analysis are usually associated today with Modernity and everything that is opposed to the traditional foundations of society. According to the author, this correctly characterizes, first of all, various variations of Western neo- and post-Marxism, as well as left-wing concepts that are influenced by Western Marxism. Today, there are more and more reasons to believe that Western left-wing agendas associated with systematic attacks on traditional values (woke ideology, radical feminism, gender theories, etc.) are promoted primarily by representatives of the new elites — the professional or educated class. On the contrary, traditional values similar to those listed in official Russian documents (patriotism, priority of national interests, ethics of selfless work, family values) are

either more often shared by representatives of the social "lower classes" (primarily the working class), or are the most important factor in their economic well-being. In this regard, an attempt is made to rethink class analysis as one of the instruments of constructive understanding, rather than criticism, of traditional values.

Keywords: traditional values, Marxism, post-Marxism, Modernity, class struggle, class analysis, conservatism, working class, elites.

For citation: Davydov D. (2025) "Progressive Elites, Conservative Workers. Traditional Values from the Position of Class Analysis", *Patria*, vol. 2, no. 1, pp. 53–74.

doi: 10.17323/patria.2025.26583

Введение

В сложные судьбоносные времена резонны попытки российских властей и общественности разрешить затяжной кризис идентичности — найти ответ на вопросы: кто все же мы такие в глобальном мире, какова наша особенность, чем мы отличаемся от Запада, с которым вступили в конфликт, есть ли у нас какая-то миссия, которая бы могла быть притягательной для других стран, также оспаривающих роль США как гегемона? В имеющих место дискуссиях доминирует условный «цивилизационный» подход: Россия — это особая цивилизация, которой чужды западные ценности вроде гипертрофированного индивидуализма, первенства свобод перед долгом, максимизации сексуальных (в том числе «нетрадиционных») и прочих свобод. Соответственно основной рецепт — искать особенности единой русской цивилизации, противопоставленной «коллективному Западу» (см., напр.: (Караганов, 2022)). Спектр подходов и концептов здесь множественен: от «Острова Россия» (Цымбурский, 2007) или «Крепости Россия» (Караганов, 2022) до «Русской идеи», вдохновленной великими классиками русской философии, в числе которых — Е. Н. Трубецкой, В. В. Розанов, В. И. Иванов, С. Л. Франк, Г. П. Федотов, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Л. П. Карсавин и другие (Савенков, Жуков, 2023).

Проблем с таким подходом существенное множество. Эти особенности русской цивилизации оказываются слишком размытыми и нечеткими, чтобы стать идейной основой интеграционного идеологического проекта в глобальном противостоянии с Западом. Уже многократно в отечественной науке отмечалась противоречивость официального дискурса в попытках сшить идейное «лоскутное одеяло» из тех или иных «политик памяти», сочетая, скажем, достижения советского прошлого (Победа в Великой Отечественной войне, первый полет в космос и так далее) с капиталистическим настоящим (Фишман, 2015). Но трудности в поисках единого непротиворечивого зерна в наполненном драматическими разрывами прошлом — не основная проблема. Основная — в нехватке «содержательного наполнения». Русское (или российское) сводится к наборам символических и знаковых элементов, которые трудно сочетать вместе, а тем более — совмещать их так, чтобы прошлое гармонично смотрелось с потенциалом выстраивания проектов будущего. Отсюда соблазн идти по простому пути — свести «русскую идею» к аналогу американского «плавильного котла» (но только «правильного», избавленного от практик колониализма и рабства: русское — значит имперски-объединяющее). Напри-

мер, такой позиции придерживается С. А. Караганов, согласно которому Россия — это

> цивилизация цивилизаций, «мир миров», в том числе один из последних оплотов классической Европы, по большей части погибающей в Старом Свете. В любом случае, европейское культурное наследие России — не препятствие для ее многовекторной и поликультурной политики, а одна из опор и предпосылок для нее. Ведь именно Европе в лучшие времена и в лучших ее проявлениях было свойственно стремление к открытию новых мировых горизонтов. От татаро-монгольского периода мы унаследовали веротерпимость и культурную открытость (Караганов, 2022: 10).

«Многовекторность» и «поликультурность» может разбавляться общими тезисами о свойственной России «справедливости» (обычно — без уточнения, что эта «справедливость» означает), о том, что в русской культуре нет места расизму или антисемитизму (см., напр.: (Тренин, 2022)). Но из положений о «цивилизации цивилизаций» содержательно не следует почти ничего. Без ответа остается самый принципиальный вопрос: чем «мы» принципиально отличаемся от «них»? При попытках ответить на этот вопрос более содержательно мгновенно возникают те или иные нестыковки. Так, если речь идет о государствообразующей роли русских или культурообразующей роли православия, то неизбежны вопросы о том, не может ли все это рано или поздно переродиться в этноконфессиональный национализм.

Отдельный клубок противоречий — в так и не найденной грани между западными чертами России и ее при этом не- или даже антизападностью. Как верно заметил С. А. Караганов,

> Запад может, пусть с трудом, отменить Россию. Россия безнадежно осиротеет без Гамлета, Дон Кихота, д'Артаньяна. Запад может, пусть с трудом, отменить сам себя, одновременно завоевывая мир и каясь в своей греховности. Россия не может и, насколько можно судить, не хочет отменять ни себя, ни Запад. Под Россией нет толщи автономного цивилизационного развития, как у Китая, Индии и Персии, нет стройности, цельности и целенаправленности Ислама. Над Россией не голубое небо, как у Поднебесной, а общий с Европой цивилизационный зонтик. России легче сказать, что она защищает Европу от нее самой, чем сказать, что она больше не Европа (Караганов, 2022: 10).

Все осложняет и то обстоятельство, что ни на идейном, ни на практическом уровнях российская политика не отмежевывается полностью от Запада и модерна. Даже перечень традиционных ценностей, приведенных в «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» — жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд и так далее (Указ…, 2022), — является, по сути, западным. Часть из них не поддается пересмотру вообще нигде в западных странах. Другая часть (например, семейные ценности) не отвергается полностью, а лишь переосмысляется радикалами и прогрессистами. Причем сегодня с приходом Д. Трампа это «переосмысление» пошло на попятную (Fox…, 2025). В практической же плоскости курс России очевидно направлен на поддержание связей с западными странами, которые, например, противостоят западному же

империалистическому мейнстриму в геополитике и прогрессистскому мейнстриму в культуре (например, Венгрия при В. Орбане, Словакия при Р. Фицо).

Это одновременно и возможность, и уязвимость. Возможность постольку, поскольку так Россия не зацикливается на своей партикулярности, а остается уникальной через апелляции к универсальному — позиционируя себя в качестве своего рода бастиона консерватизма, когда традиционные ценности представляются мостом между Россией и Западом (Моисеев и др., 2023), то есть «консервативного модерна», предостерегающего от его чрезмерного «негативизма» и «футуризации» (Гиринский, Азыркин, 2024). Уязвимость здесь заключается во вторичности избираемой роли — того, кто осторожен, идет за впереди идущими, не торопится, учится на чужих ошибках, но при этом и не совершает никаких прорывов в будущее, а потому вряд ли может быть примером для подражания в тех областях, которые выходят за рамки сугубо морально-нравственных аспектов бытия. В эпоху огромного множества глобальных проблем вроде социально-экономического неравенства взгляд, направленный преимущественно в прошлое, не кажется нам дальновидным.

В данной статье мы бы хотели показать, что модернистская нацеленность на прогресс не обязательно противоречит ориентации на традиционные ценности. Напротив, радикальность социальных преобразований может гармонично сочетаться с укреплением традиционных ценностей. В этом деле может пригодиться марксистский инструментарий классового анализа, который, правда, требуется критически переосмыслить и перенастроить.

Сложные взаимоотношения между левыми идеями и традиционными ценностями

Можно сказать, что марксизм и классовый анализ для сторонников и защитников традиционных ценностей являются в некотором смысле дискредитированными. Считается, что марксизм как одна из великих идеологий модерна — часть слишком сильно ускорившегося, вышедшего из-под контроля «прогресса». Например, отмечается, что

> «левая» политическая теория трактует историю как бесконечный прогресс от тьмы прошлого к свету будущего, как эволюцию от примитивных форм к более совершенным; «правая» — как либо движение по спирали, либо постепенную деградацию политических форм и нравов. «Левая» теория устремлена к механической рационализации социального, «правая» — к восстановлению принципов органической общности. Наконец, любая «левая» теория превозносит экономическое как ведущий ориентир организации общественной жизни, а «правая» часто выделяет доминирующий характер политического (Моисеев и др., 2023: 114).

Фактически сегодня все больше наблюдателей склонны отмечать, что современные левые повестки о десятках разновидностей гендера, правах ЛГБТК+ (Верховный суд РФ признал ЛГБТ-движение экстремистским), радикального феминизма и тому подобное продвигаются теми, кто ассоциирует себя если не с нео- или постмарксизмом, то, как минимум, с тем, что имеет глубокие интеллектуальные корни в марксизме. Так, марксизм

синтезируют с концептами интерсекциональности (см., напр.: (Bohrer, 2019)), согласно которым одна лишь классовая борьба не сможет привести к обществу равенства и справедливости. Капитализм можно преодолеть в том случае, если к классовой борьбе добавится борьба против тех или иных форм угнетения: против расизма, патриархата, гомофобии и тому подобного. В теории все логично: если марксизм выступает за общество равенства и справедливости, то вполне резонно, что равенство и справедливость должны быть обеспечены для всех, включая тех, кто в силу тех или иных «предрассудков» считается маргиналами или по каким-то причинам лишены преимуществ, к которым имеют доступ «привилегированные». Чисто внешне это выглядит как небывалый подъем «низов»: от промышленных рабочих до трансгендерных «секс-работниц».

Консервативный ответ на все эти тенденции во многом резонен: не факт, что устремления современных левых вообще когда-нибудь могут привести к всеобщему согласию и благу; многие продвигаемые ими ценности крайне спорны, то есть речь может идти о чем-то вроде «зашедших слишком далеко» силах отрицания, которые нужно «сбалансировать» с помощью апелляций к традициям или вовсе к «вечным», имеющим трансцендентную природу, ценностям. В наиболее грубых формах такая реакция выливается в противопоставление всего «правого» всему «левому». Возможен, на наш взгляд, и более тонкий подход.

Так, появляется все больше оснований считать, что наиболее агрессивные левые повестки отвечают интересам вовсе не всех эксплуатируемых и угнетаемых, а новых элит. Более того, те традиционные ценности, к которым апеллируют правые, гораздо более «выгодны» как раз «низам» (то есть более гармонично сочетаются с их в том числе экономическими интересами). Современная западная левая мысль попала в ловушку устаревшей парадигмы, согласно которой главный враг бедных и угнетенных социальных прослоек — это тот самый «1%» наиболее богатых буржуа. Такое «бинарное» мышление в духе «капиталисты против всех остальных» исключает более сложную картину, где генезис того, что мы называем посткапитализмом, обусловлен выдвижением новых групп элит, интересы которых могут расходиться с интересами как «старых» промышленных капиталистов, так и многих экономически неблагополучных прослоек (Давыдов, 2023). Вся парадоксальность ситуации заключается в том, что обычно не левые сегодня активно рефлексируют по поводу усложняющейся социальной структуры. За них это делают авторы, которые либо прямо относят себя к правым и консерваторам, либо симпатизируют идеям, подчеркивающим значимость традиционных ценностей.

Так, сегодня очень многие авторы на Западе пишут о том, что произошел «долгий марш» левых, начавшийся в 1960-е, который изменил Америку и Европу, стал, по сути, «культурной» (Kimball, 2001) или «тихой» (silent) (Rubin, 2014) революцией. Марксизм провалился как идеология пролетарской революции, но он обрел новую роль в качестве идеологии *образованного/профессионального класса*, придерживающегося постматериалистических ценностей (см.: (Inglehart, 1977; 1997)). Как замечает К. Руфо, группа, возглавляемая М. Хоркхаймером, Т. Адорно, Л. Левента-

лем и Ф. Поллоком, стала пионером критической теории общества, синтезировавшей широкий спектр концепций философии, психоанализа и политической теории в попытке объяснить провал традиционного марксизма. Они были нацелены на создание новой, более сложной диалектики, способной, наконец, вдохновить широкие массы на «радикальный акт» преобразования мира. Новая революция должна была отсылать также к идеям А. Грамши, согласно которым подлинное освобождение должно совершаться через сферу культуры. Вместо ленинской идеи лидерства партии было обосновано, что ведущей силой революции должны быть интеллектуалы (вроде А. Дэвис, П. Фрейре, Д. Белла, К. Креншоу и других). Так, Г. Маркузе представил свою идеальную политическую форму — «образовательную диктатуру» (“educational dictatorship”), или правление элит, умеющих отличать ложное сознание от истинного и свободу от рабства. Как замечает Руфо,

> следуя ортодоксальности Маркса и Ленина, Маркузе считал, что необходима временная диктатура, чтобы вывести общество из рабства к свободе. Но, отходя от своих предшественников, Маркузе предложил иронический поворот: вместо «диктатуры пролетариата», которая представляла волю рабочего класса, — «диктатуру интеллектуалов» (Rufo, 2023: 23).

В течение 1980-х и 1990-х годов политический центр США сместился вправо: президенты Р. Рейган, Дж. Буш-старший и Б. Клинтон руководили концом глобального коммунизма и триумфом «демократического» капитализма, в то время как академические круги продолжали двигаться влево. Как отмечает Руфо, сегодня «долгий марш по институтам» практически завершился: «…американский университет теперь является “контринститутом”, движимым идеологией “новых левых” и критическими теориями» (Rufo, 2023: 44). Следствием этого является «академическая кастовая система», когда факультеты самых престижных университетов управляют наймом, финансированием и размещением новых профессоров на мажоритарной и консенсусной основе, что служит дальнейшей концентрации и укреплению идеологической власти. Из университетов новый, «культурный» марксизм активно распространялся среди выпускников элитных колледжей, которые занимали места среди так называемого «управленческого класса»:

> …политическая культура федеральных агентств почти неотличима от университетской. Используя политические пожертвования в качестве индикатора политической культуры, несложно увидеть, что федеральные ведомства в подавляющем большинстве являются левыми. В цикле президентских выборов 2020 года сотрудники Министерства юстиции направили 83% всех пожертвований демократам. В Департаменте жилищного строительства и городского развития этот показатель составил 84%. В Министерстве здравоохранения и социальных служб — 88%; а в Министерстве образования — целых 93% [...] все основные грантодатели в сфере образования, гуманитарных и естественных наук — Министерство образования, Национальный фонд искусств, Национальный фонд гуманитарных наук и Национальный научный фонд — стали постоянными благотворителями критических теорий (Rufo, 2023: 57, 59).

Прогрессистские элиты

Короче говоря, все то, что сегодня называют «великим пробуждением» и woke-культурой[2], представляет собой результат растущего влияния если и не самой богатой части населения, то как минимум тех, кто получил элитное (прежде всего — гуманитарное) образование. Как отмечает американский культурный критик Ф. де Бур в книге «Как элиты съели движение за социальную справедливость» (“How Elites Ate the Social Justice Movement”), в левых активистских пространствах доминируют люди с высшим образованием, многие из которых выросли в достатке и никогда не были задействованы на физически и эмоционально тяжелой работе. Более того, сейчас в прогрессивных пространствах есть много тех, кто порицает белых рабочих как расистский и нетерпимый класс. Как пишет де Бур, «культурные вопросы доминируют во многих левых пространствах постольку, поскольку левые чувствуют, что контролируют только культуру. Распространенное мнение о текущей американской политике заключается в том, что правые обладают политической властью и жаждут культурной власти, в то время как левые обладают культурной властью и жаждут политической власти» (DeBoer, 2024: 13). То же самое отмечает профессор политологии Кентского университета М. Гудвин, говоря о Великобритании:

> старую элиту объединяли наследственные титулы, богатство, семейные связи с аристократией и инстинктивно консервативные ценности. Новая элита сегодня совершенно другая. Хотя они иногда пересекаются со старым правящим классом, члены этого нового сверхкласса гораздо чаще происходят из быстро расширяющихся рядов новой профессиональной элиты среднего класса, городской и образованной, которая поднялась на позиции огромной экономической, политической и культурной власти. Эту новую элиту определяют совсем другие вещи: дипломы одного из самых престижных университетов Оксбриджа или Расселской группы; их сильные либеральные космополитические, если не радикально прогрессивные, культурные ценности; их все более громкий и доминирующий голос в самых важных и влиятельных учреждениях Великобритании; и их растущее чувство моральной справедливости по сравнению с другими группами британского общества (Goodwin, 2023: 15).

Это, к слову, соответствует многим уже относительно давним прогнозам, согласно которым посткапиталистическое общество будет знаменоваться не подъемом социальных низов во имя равенства и братства, а восхождением профессионального или технократического класса (см.: (Burnham, 1941; Белл, 2004)).

Здесь, правда, возникает резонный вопрос: если речь идет о новых элитах, то почему их идеология так или иначе является левой, а не правой и консервативной? Этому можно найти сразу несколько объяснений. Самое простое — концепт «тихой революции» Р. Инглхарта, согласно которому рост материальной обеспеченности и безопасности означает постепенное вытеснение материалистических ценностей постматериалистическими (см.: (Inglehart, 1977; 1997; Norris, Inglehart, 2019)). Когда люди находятся в относительной безопасности и достатке, они постепенно перестают считать проблемы, отсылающие к старой классовой борьбе (забастовки из-за плохих трудовых условий, низких зарплат и так далее), актуальными. Вместо этого их начинают все больше интересовать более абстрактные

вещи — гражданские права, разнообразие, самореализация, качество городской среды, экологические проблемы и тому подобное. Борьба за принятие 70 вариантов гендера или привилегии для «цветных», тех, кто имеет «нетрадиционную» сексуальную ориентацию, кто ведет нездоровый образ жизни, сопровождающийся экстремальным ожирением, для психически нездоровых («нейроотличных») и так далее, может трактоваться как борьба за максимальную свободу выбора, в том числе выбора путей самореализации (из «порока» сделать предмет для гордости). По сути, многочисленные межстрановые опросы, результаты которых изучал Инглхарт и его команда, показали, что степень роста постматериалистических ценностей прямо пропорциональна степени активизма за «разнообразие» (и соответствующие программы вроде DEI[3]) (см., напр.: (Norris, Inglehart, 2019)). Более того, рост постматериалистических ценностей также сопровождается упадком религиозности и традиционных ценностей (семьи, патриотизма и так далее) (см.: (Инглхарт, 2022)). В этом тоже есть своя логика: находящиеся в состоянии «экзистенциальной безопасности» перестают видеть необходимость в «старых» институтах, которые раньше обеспечивали экономическую подстраховку. Типичный постматериалист — это «независимая личность» и «гражданин мира», человек, живущий «хоть где». Соответственно произошло расслоение на тех, кто живет «повсеместно» (anywheres), а это прежде всего востребованные везде образованные элиты, и тех, кто живет «где-то» (somewheres), чему посвятил известную книгу «Дорога куда-то» (“The Road to Somewhere”) Д. Гудхарт (Goodhart, 2017).

Концепция постматериализма отвечает не на все вопросы. Прежде всего стоит отметить, что Инглхарт исследовал не элиты, а общество в целом. Почему новая woke-культура столь распространена именно среди образованных элит? По мнению американского публициста и доктора психологии из Кембриджского университета Р. Хендерсона, все дело в том, *что* он называет *роскошными убеждениями* (luxury beliefs). Эти убеждения сигнализируют о высоком статусе: тот, кто разбирается в трудах М. Фуко и Ж. Деррида, может поддержать разговор о системном расизме и «власти дискурсивных структур», кто подчеркивает свою прогрессивность, тот автоматически сообщает о своей отнесенности к образованным элитам. Следуя идеям Т. Веблена о «праздном классе» и «демонстративном потреблении», Хендерсон показывает, что именно представители обеспеченного образованного класса склонны рассуждать о привилегиях белых, выступать за легализацию наркотиков или критиковать семейные ценности, причем их образ жизни часто противоречит тому, о чем они говорят, — сами они вступают в стабильные браки, пользуются все теми же «привилегиями белых», далеки от проблем социальных низов, не понимают, чем живут наиболее бедные. Как пишет Хендерсон,

> типичный американец из рабочего класса не сможет сказать вам, что такое гетеронормативность или цисгендерность. Но если вы посетите элитный колледж, вы найдете множество богатых людей, которые охотно вам все это объяснят. Когда кто-то использует фразу «культурное присвоение», на самом деле он имеет в виду: «Я получил образование в лучшем колледже». Возьмем цитату Веблена: «Утонченные вкусы, манеры, образ жизни являются полезным доказательством аристократизма, потому

что хорошее воспитание требует времени, усилий и затрат и, следовательно, не может быть достигнуто теми, чье время и энергия отданы работе». Только богатые могут позволить себе выучить странную лексику, потому что у обычных людей есть реальные проблемы, о которых стоит беспокоиться (Henderson, 2024: 160).

Здесь же Хендерсон обращает внимание на то, насколько интересы новых элит расходятся с интересами социальных низов, в том числе с интересами рабочего класса: если большинство образованного класса выступает за легализацию наркотиков, то все остальные — скорее против; богатые чаще, чем все остальные, говорят, что «брак не имеет значения», но при этом состоят в стабильных брачных союзах; богатые негодуют по поводу так называемого фэтшейминга, но сами они представляют собой наиболее озабоченную собственным здоровьем страту; если богатые и образованные считают полицию расистской и жестокой, хотят ее «отменить» или лишить финансирования, то именно бедные чернокожие менее склонны критиковать полицию и даже выступают за то, чтобы ее было больше в районах их проживания (см.: (Henderson, 2024)).

Социолог из Школы коммуникаций и журналистики Университета Стоуни-Брук М. аль-Гарби предложил в книге «Мы никогда не были пробужденными» (“We Have Never Been Woke”) еще одно интересное объяснение «левизны» и ориентации на «справедливость» новых элит. Как он замечает, помимо сегодняшнего (видимо, уже вступающего в стадию заката) «великого пробуждения» так называемых «символических капиталистов» (образованных элит, чья деятельность связана с нефизической работой) было еще три подобных (в начале 1930-х, в конце 1960-х и в конце 1980-х). Институциональное влияние таких элит начало быстро расти в годы между Первой и Второй мировыми войнами, когда резко возросла культурная, экономическая и политическая власть профессионалов, торгующих идеями, символами и информацией. Он тоже отмечает, что левые повестки стали, по сути, способом демонстрации статуса, а также чем-то вроде замены религии:

…козлы отпущения — далеко не единственная религиозная тенденция, которая, по-видимому, приняла секуляризированную форму. Пробуждение в значительной степени присваивает религиозный символизм и эсхатологию: есть дискурс рабства как первородного греха Америки; «белизна» описывается как первобытная и злобная сила, ответственная за или замешанная практически во всех мировых бедах. Есть гностический элемент, приверженцы которого верят, что они могут видеть «реальные» структуры мира, невидимые для других, — вместе с чувством превосходства, которое сопровождает такие убеждения. Есть чувство нахождения на «правильной стороне истории» и, во многих кругах, нетерпимость к сомнениям или ереси (Al Gharbi, 2024: 55).

При этом все четыре «пробуждения» были обусловлены внутриэлитным ресентиментом, связанным с перепроизводством «символических капиталистов». Например, в начале 1960-х студенческий активизм на территории кампусов не был особенно выражен. Большинство студентов были сосредоточены на получении дипломов и реализации открывшихся возможностей растущей экономики после Второй мировой войны. А затем война во Вьетнаме и экономический спад изменили всё: «студенты из среднего класса стали “радикальными” именно тогда, когда их планы оста-

вить борьбу во Вьетнаме меньшинствам и бедным, поступив в колледж и переждав, начали рушиться. Именно в этот момент студенты колледжей внезапно в огромных количествах приняли антивоенный активизм, движение “Власть черным”, феминизм, постколониальную борьбу, права геев и защиту окружающей среды» (Al Gharbi, 2024: 100). Внутри колледжей размеры групп росли, а ресурсы все сильнее распылялись. Выпускники колледжей все чаще были вынуждены работать не по специальности или на работах, которые вообще не требовали высшего образования. Когда же призыв отменили, а экономика показала спрос на профессионалов, схлынула и волна студенческого активизма: бывшие революционеры стали частью истеблишмента.

Нечто похожее происходило совсем недавно: к концу правления Клинтона Соединенные Штаты снова начали перепроизводить элиту. В период с 2000 по 2019 год на американском рынке труда появилось 22 миллиона работников старше 25 лет, имеющих как минимум степень бакалавра. Однако было добавлено всего около 10 миллионов рабочих мест, требующих высшего образования. Масла в огонь подлила пандемия COVID-19, которая привела к новому витку увольнений, отпусков без содержания и сокращений заработной платы. Соответственно разочарованные символические капиталисты и претенденты на статус элит стремились обвинить систему, которая их подвела, а также те элиты, которым удалось процветать. Тем не менее даже они остаются далекими от «низов», к борьбе за права которых они апеллируют: «даже несмотря на то, что их зарплата и льготы низки по сравнению с коллегами на более постоянных и престижных должностях, символические капиталисты на нижнем конце спектра все равно, как правило, зарабатывают примерно столько же или даже больше, чем они могли бы зарабатывать, если бы работали за пределами символических профессий» (Al Gharbi, 2024: 160). Двойные стандарты в их риторике отмечаются повсеместно. Например, хотя относительно обеспеченные, высокообразованные белые либералы являются одними из самых ярых сторонников доступного жилья, они часто занимают позицию «не на моем заднем дворе» в отношении своих собственных сообществ. Это значительно увеличивает стоимость жизни и угнетает более бедных жителей, что в значительной степени способствует расовой сегрегации и консолидации меньшинств в районах «концентрированного неблагополучия». Отмечает аль-Гарби и расходящиеся с интересами бедных прослоек постматериалистические приоритеты новых элит:

> …более богатые, более образованные городские доноры (которые имеют тенденцию к левому движению) с большей вероятностью выделяют ресурсы на такие цели, как защита окружающей среды или права животных, или таким организациям, как American Civil Liberties Union или Amnesty International. Очень немногие пожертвования этих доноров направлены на малообеспеченные сообщества. […] Именно в синих штатах неравенство в финансировании образования наиболее драматично. Именно в синих штатах десятки тысяч бездомных живут на улицах. Именно в синих штатах экономическое неравенство в этой стране растет быстрее всего (Al Gharbi, 2024: 205–206).

Даже приправленный марксистскими лозунгами радикализм образованного класса значительно расходится с тем, чего действительно хотят

представители рабочего класса. Высокообразованные американцы склонны отдавать приоритет политике прямого перераспределения для решения проблемы неравенства (налоги и трансферты) по сравнению с высокими зарплатами и, что более важно, защитой рабочих мест. Последнее по факту более востребовано жителями находящихся в упадке провинциальных городов, поскольку работа обеспечивает смыслом, а различные пособия лишают гордости и сталкивают работающих с «иждивенцами» (Al Gharbi, 2024: 205–206). Короче говоря, единственные, кто остался победителем в эпоху «нового великого пробуждения», — это представители образованного класса, многие из которых заполучили то, что аль-Гарби называет тотемным капиталом — способность прикрываться статусом «угнетенных» с целью получения преимуществ от позитивной дискриминации.

В целом о растущем накоплении противоречий между интересами и устремлениями новых элит и большей части находящихся в не самом выгодном социально-экономическом положении прослоек написано уже достаточно много. Для последних даже правые стали «левее левых», так как их интересы более приземленные, хотя и несомненно буржуазные: люди, испытывающие самые простые, бытовые проблемы (вроде необходимости оплачивать постоянно дорожающие коммунальные услуги), будут с большей симпатией относиться к популистским лозунгам вроде «Бури, детка, бури», нежели к разговорам элит о правах трансгендеров и необходимости затянуть потуже пояса ради предотвращения глобального потепления, вокруг которого раздувается паника все теми же представителями новых элит (см., напр.: (Lomborg, 2020)). Но в контексте нашего исследования важно отметить следующее: значительная (судя по президентским выборам США в 2024 году — бóльшая) часть представителей рабочего класса и социально уязвимых прослоек придерживается традиционных ценностей, то есть отвергает все новые культурные веяния woke-культуры[4]. Можно было бы сказать, что классовый анализ здесь не имеет перспективного применения, так как речь идет чисто о культурных феноменах: те, кто не имеет высшего образования, не окунулся в прогрессистскую культуру и так далее, просто сохраняет патриархальные, расистские и прочие «пережитки». На наш взгляд, это не совсем так.

Традиционные ценности (для) рабочего класса

Многие явления западной политики, связанной с ростом влияния правых популистов, за которых голосуют самые широкие массы населения, можно объяснить культурной реакционностью (см.: (Norris, Inglehart, 2019)). Но есть основания считать, что культурный фактор является не единственным. Согласимся с Н. Б. Афанасовым в том, что «социальная природа современности диктует соотнесение ценностей с тем социально-экономическим контекстом, в котором они существуют. Ценности в том виде, в каком к ним апеллирует социальная теория, не субстанциальны, а имеют социально-культурную природу, являются ответом на те вызовы, которые ставит перед обществом время» (Афанасов, 2024: 40). То, что мы

называем традиционными ценностями, является также набором определенных политических установок, имеющих вполне рационально-экономические основания.

Можно начать с самой базовой ценности, которая считается традиционной как в США, так и в России, — патриотизма (приоритет национальных интересов, бережное отношение к собственной истории и так далее). Известный историк, политический аналитик и журналист Т. Франк, предсказавший приход к власти Д. Трампа в 2016 году, указал на одну из причин поддержки Трампа рабочим классом — его антикосмополитизм. В то время как Демократическая партия стала, по сути, партией прогрессистских anywheres, Трамп выступал за патриотический подъем, отмену невыгодных для США торговых соглашений и возвращение рабочих мест. Его риторика под лозунгом «Сделаем Америку снова великой» также сильно расходилась с дискурсом университетских элит, зацикленных на критике западного колониализма, «отмене» части американской истории и самобичевании. И эти обращения к патриотизму гармонировали с апелляциями к социальным «низам». Карта его поддержки может соответствовать «тепловой карте» расизма Google, но еще лучше она соответствует деиндустриализации и отчаянию, зонам экономической нищеты, которые 30 лет вашингтонского консенсуса и свободного рынка принесли остальной Америке. Ссылаясь на исследование Working America (вспомогательной организации Американской федерации труда), Франк отмечает следующее:

> …поддержка Дональда Трампа была сильной даже среди идентифицирующих себя как демократов, но не потому, что все они тоскуют по возвращению режима Джима Кроу. Их любимой чертой Трампа было его «отношение», его прямолинейная манера говорить. Что касается конкретики, «иммиграция» заняла третье место среди вопросов, волнующих таких избирателей, намного уступив их главной заботе: «хорошие рабочие места/экономика» (Frank, 2018: 110).

Далее Франк подмечает, что Трамп ловко сыграл на обвинениях демократов в неолиберальном глобализме, подкосившем местный рабочий класс:

> …в 2016 году, когда кандидат Трамп посетил Флинт, он сделал едкое замечание о несчастьях города: «Раньше машины производились во Флинте, и вы не могли пить воду в Мексике. А теперь машины производятся в Мексике, и вы не можете пить воду во Флинте». Трамп обвинил в этом повороте событий НАФТА, неолиберальное экономическое соглашение и одну из своих любимых риторических целей во время предвыборной кампании (Frank, 2018: 131).

Самое примечательное, что практически ничего не изменилось к предвыборной борьбе в США в 2024 году. Только теперь к прежним аргументам добавилась критика администрации Дж. Байдена за огромные траты на климатическую политику и войну на Украине. По сути, кампания Трампа вновь выстраивалась в логике «Америка прежде всего». Эта «Америка прежде всего» означала дешевое топливо, перенос рабочих мест в США и аудит неэффективных расходов на программы DEI и внешнюю политику. Иными словами, все то, от чего выиграли бы прежде всего представители рабочего класса, живущие в американской глубинке. Демократы же

не переставали дрейфовать в сторону партии городских элит, поддерживаемой селебрити и Голливудом. Неудивительно, что накануне выборов 2024 года опрос Центра политики рабочего класса (CWCP)/YouGov, проведенный в Пенсильвании, показал, что среди работников физического труда 55,9% отдают предпочтение Трампу и только 36,2% — Харрис. Даже среди действующих и бывших членов профсоюзов Трамп лидировал с 47,1% голосов по сравнению с 43,2% у Харрис (New Poll…, 2024).

Можно сказать, что и значительная часть других традиционных ценностей так же неспроста разделяется именно представителями рабочего класса или сельскими жителями. Многие экономические успехи США, по мнению очень многих наблюдателей, были обусловлены особой культурой самоотверженного труда, движения к «американской мечте», уходящей корнями в протестантскую этику. Согласно этой культуре, каждый — творец своей судьбы. Самый важный фактор жизненного успеха — это упорный труд, сдержанность, желание обеспечить своим детям лучшее будущее. К слову, созидательный труд также содержится и в перечне традиционных российских ценностей, приводимых в Указе Президента об «Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Указ…, 2022).

Заметим, что этика самоотверженного труда и движения к «американской мечте» также активно «деконструировалась» левыми западными интеллектуалами. Такая «деконструкция» имела свои резонные основания, так как смысл ее был в подчеркивании системных причин неравенства, то есть тех факторов бедности, которые не зависят от индивидуальных усилий. Но у данной критики есть множество побочных эффектов. Когда «инструкторы по разнообразию» говорят, что «культура белых мужчин» и ценности «жесткого индивидуализма», «тяжелого труда» и «стремления к успеху» разрушительны для меньшинств, они тем самым укрепляют убеждение, что виноваты все, но только не сами представители меньшинств, то есть все это звучит как призыв к бездействию и попытки обвинить в личных неудачах все, что только можно, но только не отсутствие инициативы. Как отмечает Р. Хендерсон,

> если обездоленные люди поверят, что удача является ключевым фактором, определяющим успех, они с меньшей вероятностью будут стремиться улучшить свою жизнь. Исследование, которое отслеживало более шести тысяч молодых людей в США в начале их карьеры и в течение двух десятилетий, показало, что те, кто считал, что жизненные результаты обусловлены их собственными усилиями, а не внешними факторами, добились большего успеха в своей жизни (Henderson, 2024: 168).

Но что более важно, американская культура «упорного труда» означает стремление к независимости от государства и максимальную антипатию к так называемым «королевам социального обеспечения» (welfare queen). Типичный американец прежде всего желает иметь возможность упорно трудиться и своим трудом приносить пользу обществу. В этом смысле вся его жизнь максимально далека от пространных рассуждений о «системном расизме» и десятках вариантов гендера, если они видят, как их собственные города разрушаются из-за переноса рабочих мест за рубеж.

Но самый важный момент здесь — это семейные ценности. По сути, бóльшая часть woke-культуры и дискурсов новых элит прямо или косвенно атакует традиционные семейные ценности. Семья рассматривается то как патриархальный пережиток, то как чисто буржуазный способ организации совместной жизни (см., напр.: (Lewis, 2019; Hester, Srnicek, 2023)), или же как нечто ограничивающее индивидуальные, в том числе сексуальные, свободы (см.: (Перри, 2022)). Очевидно разрушительна для семейных ценностей и пропаганда ЛГБТК+ (Верховный суд РФ признал ЛГБТ-движение экстремистским) повесток и радикального феминизма, навязывание гендерных идеологий.

Упадок института семьи весьма драматичен. Причем, что самое примечательное, этот упадок происходит быстрее всего среди наиболее бедных (в наибольшей степени — чернокожих) и почти не наблюдается среди элит. Последние же ведут двойную игру: именно они больше всего критикуют семью, но при этом их реальная жизнь обычно в корне противоречит тому, о чем они говорят. По данным М. С. Кирни, профессора экономики из Мэрилендского университета, в 2019 году только 63% детей в США жили с состоящими в браке родителями по сравнению с 77% в 1980 году. Это снижение не было одинаково распространено среди населения. Например, мало что изменилось в структуре семьи детей, чьи матери имеют четырехлетнее высшее образование: в 2019 году 84% детей, чьи матери имели такое образование, жили с состоящими в браке родителями, что на 6% меньше, чем в 1980 году. Между тем только 60% детей, чьи матери имели среднее образование или образование в статусе some college, жили с состоящими в браке родителями, что на целых 23% меньше, чем в 1980 году. Столь же значительное снижение произошло среди детей матерей, которые не окончили среднюю школу; доля детей в этой группе, живущих с состоящими в браке родителями, снизилась с 80% в 1980 году до 57% в 2019 году (Kearney, 2023: 25).

Книга Кирни не просто так называется «Привилегия двух родителей» (“The Two-Parent Privilege”). С помощью обширных статистических данных она демонстрирует, что кризис семьи — это одна из главных «ловушек бедности». Взрослые с более низким уровнем образования и заработка с меньшей вероятностью вступят в брак и будут воспитывать детей в семьях с двумя родителями. Их дети растут с меньшими ресурсами и возможностями, и они не так хорошо учатся в школе, как их сверстники из семей с высоким доходом. Мальчики из неблагополучных семей с большей вероятностью попадут в неприятности в школе и столкнутся с системой уголовного правосудия; девочки из неблагополучных семей с большей вероятностью станут молодыми незамужними матерями. Эти дети вырастут и будут иметь детей, чьи шансы родиться в неблагополучных ситуациях более высоки. Социальная мобильность подрывается, а неравенство сохраняется из поколения в поколение. За последние 40 лет медианный доход домохозяйства среди матерей со средним образованием не вырос, а снизился (!) на 4%; среди матерей без высшего образования он снизился на 20%, так как рост доходов матерей в этих группах образования был «компенсирован» возросшей вероятностью отсутствия супруга или парт-

нера (Kearney, 2023: 55). Семьи, возглавляемые матерью-одиночкой, в 5 раз чаще живут в бедности, чем семьи, возглавляемые супружеской парой; семьи, возглавляемые отцом-одиночкой, почти в 2 раза чаще живут в бедности. Для семей, возглавляемых женщиной без супруга, общая доля живущих в бедности составила 22,2%. Для семей, возглавляемых мужчиной без супруги, эта доля составила 11,5%. Это контрастирует с 4% среди семей, состоящих в браке (Kearney, 2023: 61). Дети более образованных, высокодоходных и состоящих в браке родителей получают больше всех видов ресурсов — больше расходов на образовательные и развивающие блага и мероприятия, больше родительского времени и более внимательное воспитание. Дополнительные родительские инвестиции, которые эти дети получают как от своих матерей, так и от своих отцов на регулярной основе, способствуют относительным преимуществам и увековечивают классовые разрывы в возможностях и результатах (Kearney, 2023: 137).

Б. Уилкокс, профессор социологии из Университета Вирджинии, в книге «Вступайте в брак» (“Get Married”) на результатах многочисленных социологических исследований[5] отмечает схожие тенденции. Но он фокусируется на таких вещах, как удовлетворенность жизнью, счастье, ощущение осмысленности, качество сексуальных отношений и тому подобное. Причину упадка института семьи Уилкокс видит прежде всего в растущем экспрессивном индивидуализме (см.: (Taylor, 1989; Trueman, 2020)), который подпитывается идеологией повсеместной эмансипации, распространяемой образованными светскими элитами[6]. Согласно данной «Я-идеологии», семья и дети — это то, что мешает получать удовольствие от жизни, обременяет обязательствами, то есть является источником дискомфорта и препятствием для самореализации. Преобладающим стало потребительское отношение к браку, когда семейный союз рассматривается скорее как нечто соединяющее «родственные души», а не то, что требует терпения, самоотдачи, преданности. Отсюда эпидемия разводов, когда браки разрушаются при первом дискомфорте или когда «больше нет бабочек в животе». Лишь некоторые группы, согласно Уилкоксу, ставят семью на первое место в списке приоритетов: верующие, консерваторы, «стремящиеся» (те, кто принимает «буржуазные» ценности — образование, упорный труд и финансовый успех), американцы азиатского происхождения. Последняя группа наиболее «семейственна»:

> …азиаты-американцы чаще, чем белые, латиноамериканцы и чернокожие, считают, что пары с детьми должны прилагать все усилия, чтобы оставаться в брачных отношениях, даже если они не являются счастливыми. Их ориентация на брак коренится в сочетании принципа и благоразумия: их традиции — будь то конфуцианские, индуистские или мусульманские — подталкивают их в направлении, где семья — прежде всего. И они понимают, что стабильные семьи дают их детям большую фору в их стремлении к американской мечте (Wilcox, 2024: 52).

Как демонстрирует Уилкокс, все рассуждения о том, что свобода от семьи ведет к большему комфорту и счастью, сильно расходятся с реальностью. Например, в 2021 году 60% замужних матерей в возрасте от 18 до 55 лет сообщили, что их жизнь была осмысленной «бóльшую часть» или «все время». Только 36% одиноких бездетных женщин того же воз-

раста сказали, что их жизнь была настолько осмысленной (Wilcox, 2024: 11). Семья — это не только значительный фактор, влияющий на экономическое благополучие и уровень удовлетворенности жизнью, но и то, что напрямую влияет на жизненные перспективы детей. Дети, чьи родители разводятся, почти в 2 раза чаще исключаются из школы, на 75% чаще употребляют наркотики и примерно в 2 раза реже оканчивают колледж (см.: (Wilcox, 2024)). Семья способствует развитию «этики ответственности» среди мужчин (они реже увольняются и усерднее трудятся). При этом мужья и жены, которые принимают взаимные жертвы и разделяют командный дух, как правило, более счастливы и стабильны в браке. Бездетные американцы теперь с большей вероятностью сообщают, что их жизнь одинока, и с меньшей вероятностью — что их жизнь имеет смысл и что они счастливы (Wilcox, 2024: 136).

В контексте сказанного выше возникает закономерный вопрос: если антисемейные ценности так сильно распространены среди образованных элит, то почему именно среди представителей бедных и рабочего класса динамика краха института семьи так драматична? Здесь мало объяснений, отсылающих к феномену экспрессивного индивидуализма. Есть и более простое — экономическое. Глобализация и автоматизация (а также инициированные демократами договоры о свободной торговле) стали серьезным ударом для американских мужчин, занятых в сфере физического, не требующего высшего образования труда. Миллионы мужчин потеряли работу. Параллельно с этим все больше женщин улучшали свое положение на рынке труда, вовлекаясь в сферу услуг. Как отмечает М. С. Кирни, в регионах США, затронутых более широким использованием роботов, впоследствии наблюдалось снижение числа новых браков и увеличение доли рождений у незамужних женщин. Иными словами, снижение экономического статуса мужчин привело к снижению числа браков и увеличению доли детей, живущих без отца в семье (см.: (Kearney, 2023)). Уилкокс также обращает внимание на эту проблему. Сначала он разоблачает миф радикальных феминисток, считающих, что роль самца-добытчика нужно деконструировать как патриархальный пережиток. Он демонстрирует, что самые счастливые жены — это те, кто полностью согласен, что их мужья — хорошие добытчики и очень внимательные. По сути, многочисленные исследования показывают, что для женщин способность мужчины обеспечивать семью все еще является важнейшим фактором привлекательности: «когда жена теряет работу, это не имеет никаких последствий для брака. Но когда муж не работает, его риск развода возрастает на 33%» (Wilcox, 2024: 178).

Иными словами, среди рабочего класса упадок института семьи в большей степени вынужденный, нежели продиктованный навязываемым элитами экспрессивным индивидуализмом и разного рода «левыми» повестками вроде новых веяний феминизма (хотя влияние всего этого исключать нельзя). Когда мужчины в некогда промышленных центрах теряют работу, это сильно бьет по их моральному состоянию, по их гордости, мужскому достоинству. Их настигает волна «смертей от отчаяния», обусловленная депрессией, алкоголем и наркотиками (Case, Deaton, 2020).

Это способствует разрушению браков, что является очевидной «ловушкой бедности»: их дети имеют гораздо меньшие шансы преуспеть в жизни, у них нет должной «модели отца», они также с большей вероятностью будут избегать брака и так далее.

Так или иначе, семейные ценности — это не просто то, что связано исключительно с чем-то духовным, с культурой. Семьи разрушаются из-за бедности и безработицы или из-за неэффективной системы образования, неспособной предоставить возможности для реализации талантов мальчиков и молодых людей в профессиональной сфере[7].

Заключение

Критическое осмысление упадка традиционных ценностей в западных странах и попытки остановить и повернуть вспять подобные процессы в России могут натолкнуться на те или иные ловушки. Одна из таких, как мы постарались показать, заключается в том, что марксизм и классовый анализ начинают ассоциироваться со всяческим «прогрессизмом», подрывающим традиционные ценности. Ключевой риск здесь — в поиске решений «от противного», то есть во всем «правом», а не «левом». По сути, это именно то, что происходит в западных странах, где приходящие к власти правые оказываются «левее левых», то есть в каких-то вопросах проводят политику в пользу более широких масс, нежели прогрессистские элиты, — например, отдавая приоритет национальным интересам (в том числе местному производству), контролируя иммиграцию (то есть ввоз дешевой рабочей силы, вытесняющей местных мужчин без высшего образования с рынка труда) или отказываясь от крайне дорогостоящих алармистских экологических программ (см.: (Давыдов, 2023)). Но проблема в том, что правые (вроде Д. Трампа) остаются правыми, их риторика в большинстве случаев является популистской: одни их решения могут быть привлекательными для представителей рабочего класса (например, пошлины на импортные товары, способствующие росту местного производства), но другие — иметь обратный эффект, углублять неравенство и приносить больше пользы богатым, а не бедным[8].

На наш взгляд, это своего рода ловушка «некорректной дихотомии» — между всем прогрессивным (модерным) и всем апеллирующим к традиции. Нет никаких оснований считать, что путь, по которому эволюционировал западный марксизм — от классического классового анализа к концепциям интерсекциональности и woke-идеологии, — является единственно верным. Западный марксизм (точнее, его «нео-» и «пост-» вариации) стал культурно радикальным, но консервативным экономически. Но возможен и марксизм, являющийся радикальным экономически, но культурно — консервативным. Вариаций тут может быть тоже большое множество. Например, как показал Р. Р. Вахитов, марксизм вполне может интеллектуально сблизиться (если не сказать синтезироваться) с философией евразийства и таким рожденным русской философией концептом, как всеединство (Вахитов, 2024). В конце концов, традиция — это то, что связывает поколения, делает жизненный мир общим. Западные

же политики идентичности не добились ничего, кроме роста враждебности и недоверия между разными социальными группами, что очевидным образом отразилось на падении популярности демократов в США и росту популярности «ультраправых» в Европе (Mounk, 2023).

Так или иначе, независимо от того, придерживаемся ли мы той или иной версии марксизма или нет, обращение к классовому анализу позволяет открыть новые перспективы в осмыслении традиционных ценностей в России. Мы можем избежать сведéния Запада к набору каких-то грубо обобщенных признаков. Напротив, то, что мы наблюдаем и распознаём как враждебное российской культуре, не является тем, что разделяется всеми жителями западных стран. Это по большей части результат возросшего влияния нового «образованного» класса, новых элит. При этом нашей стране не обязательно грубо копировать идейные рецепты западных правых. Напротив, для всего мира, в том числе для жителей Запада, разделяющих традиционные ценности, Россия могла бы предложить свой способ примирения экономического прогресса и традиционных ценностей. Россия могла бы стать всецело привлекательной своей более эгалитарной экономической политикой. Как минимум в стремлении к социально-экономическому равенству и справедливости нет ничего, что противоречило бы семейным ценностям, национальному единству и самоотверженному труду.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья подготовлена в рамках работы по проекту РНФ 23-18-00427 «Социальная консолидация российского общества: механизмы ценностно-институционального обеспечения».

[2] Воук (woke — англ. «проснуться», «пробудиться») — политический термин, происходящий из афроамериканского английского и обозначающий усиленное внимание к вопросам, касающимся социальной, расовой и гендерной справедливости.

[3] Diversity, equity, and inclusion (разнообразие, равенство и включение).

[4] Причем происходит становление многорасовой консервативной коалиции (см.: (Ruffini, 2023)).

[5] «Раннее детское лонгитюдное исследование», «Образовательное лонгитюдное исследование 2002 года», «Национальное лонгитюдное исследование молодежи, когорты 1979 и 1997 годов (NLSY79 и NLSY97)», «Общее социальное исследование», «Американское семейное исследование» и «Исследование состояния наших профсоюзов 2022 года».

[6] Б. Уилкокс пишет: «Антибрачное послание, которое американцы получают от нашего правящего класса, прослеживается в опросах. Та самая группа, которая доминирует в элите Америки, например, либералы с высшим образованием, наименее склонны говорить, что брак полезен для общества. 25% либералов с высшим образованием говорят, что общество становится лучше, когда больше людей состоят в браке, по сравнению с 49% других американцев» (Wilcox, 2024: 75).

[7] Поскольку наблюдается перекос в сторону высшего образования в ущерб среднему профессиональному и техническому (см.: (Wilcox, 2024)).

[8] Как пишет Б. Уилкокс: «Проблема слишком большого количества республиканцев заключается в том, что их экономические инстинкты невмешательства заставляют многих из них ничего не делать или просто предлагать пустые культурные лозунги, когда дело доходит до помощи обычным семьям на практике. Они часто ошибочно полагают, что снижение налогов, дерегулирование и более высокий рост ВВП решат все проблемы, терзающие американские семьи. […] Показательны дебаты 2017 года по Закону о сокращении налогов и рабочих местах. Сенаторы Майк Ли (республиканец, Юта) и Марко Рубио (республиканец, Флорида) внесли поправку, которая заставила бы детский налоговый вычет применяться как к подоходному налогу, так и к налогу на заработную плату, тем самым положив реаль-

ные деньги в карманы миллионов семей рабочего и среднего класса. К сожалению, многие из их коллег-республиканцев были настолько сосредоточены на предоставлении большого налогового сокращения для корпоративной Америки, что не смогли заставить себя… предоставить более щедрое пособие на ребенка семьям рабочего класса по всей Америке. Для слишком многих республиканцев, по сути, крупный бизнес имеет приоритет над обслуживанием обычных семей» (Wilcox, 2024: 219).

ЛИТЕРАТУРА

Афанасов Н. Б. (2024). О современности и своевременности традиционных ценностей // Patria. Т. 1. № 1. С. 30–49.

Белл Д. (2004). Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia.

Вахитов Р. Р. (2024). Марксизм и классика: от Ленина к Ильенкову. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг.

Гиринский А. А., Азыркин П. Д. (2024). «Консервативный модерн» // Россия в глобальной политике. Т. 22. № 5. С. 41–58.

Давыдов Д. А. (2023). Когда правые левее левых. Аномалии левых дискурсов в эпоху расцвета постматериализма // Антиномии. Т. 23. № 1. С. 51–89.

Инглхарт Р. (2022). Неожиданный упадок религиозности в развитых странах. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге.

Караганов С. А. (2022). От не-Запада к Мировому большинству // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 5. С. 6–18.

Межуев Б. В. (2017). «Остров Россия» и российская политика идентичности // Россия в глобальной политике. Т. 15. № 2. С. 116–129.

Моисеев Д. С., Сигачев М. И., Харин А. Н., Артеев С. П. (2023). Концепция глобального консерватизма // Россия в глобальной политике. Т. 21. № 5. С. 108–123.

Перри Л. (2022). Темная сторона сексуальной революции. Переосмысление эпохи эротической свободы. М.: Изд-во АСТ.

Савенков А. Н., Жуков В. Н. (2023). Русская идея в философии права // Государство и право. № 6. С. 7–23.

Тренин Д. В. (2022). Кто мы, где мы, за что мы — и почему // Россия в глобальной политике. Т. 20. № 3. С. 32–42.

Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (2022). URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата доступа: 28.01.2025).

Фишман Л. Г. (2015). Идеология и победа // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). № 3 (78). С. 111–119.

Цымбурский В. Л. (2007). Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006. М.: РОССПЭН.

Al Gharbi M. (2024). We Have Never Been Woke: The Cultural Contradictions of a New Elite. Princeton: Princeton Univ. Press.

Bohrer A. J. (2019). Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism. Bielefeld: Transcript-Verl.

Burnham J. (1941). The Managerial Revolution: What Is Happening in the World. N. Y.: John Day Co.

Case A., Deaton A. (2020). Deaths of Despair and the Future of Capitalism. Princeton: Princeton Univ. Press.

DeBoer F. (2024). How Elites Ate the Social Justice Movement. N. Y.: Simon & Schuster.

Fox: Трамп закроет все программы по инклюзивности в правительстве (2025). URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22920853 (дата доступа: 28.01.2025).

Frank T. (2018). Rendezvous with Oblivion: Reports from a Sinking Society. N. Y.: Metropolitan Books.

Goodhart D. (2017). The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics. L.: Hurst.

Goodwin M. (2023). Values, Voice and Virtue: The New British Politics. L.: Penguin UK.

Henderson R. (2024). Troubled: A Memoir of Foster Care, Family, and Social Class. N. Y.: Gallery Books.

Hester H., Srnicek N. (2023). After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time. N. Y.: Verso.

Inglehart R. (1977). The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics. Princeton: Princeton Univ. Press.

Inglehart R. (1997). Modernization and Postmodernization. Princeton: Princeton Univ. Press.

Kearney M. S. (2023). The Two-Parent Privilege: How Americans Stopped Getting Married and Started Falling Behind. Chicago: Univ. of Chicago Press.

Kimball R. (2001). The Long March: How the Cultural Revolution of the 1960s Changed America. N. Y.: Encounter Books.

Lewis S. A. (2019). Full Surrogacy Now: Feminism against Family. N. Y.: Verso.

Lomborg B. (2020). False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet. N. Y.: Basic Books.

Mounk Y. (2023). The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time. N. Y.: Penguin Press.

New Poll: Despite Blue-Collar Troubles, Harris Has Slight Lead over Trump in Pennsylvania (2024). URL: https://jacobin.com/2024/10/harris-trump-pa-workers-election-poll (дата доступа: 28.01.2025).

Norris P., Inglehart R. (2019). Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Rubin B. (2014). Silent Revolution: How the Left Rose to Political Power and Cultural Dominance. N. Y.: Broadside Books.

Ruffini P. (2023). Party of the People: Inside the Multiracial Populist Coalition Remaking the GOP. N. Y.: Simon & Schuster.

Rufo C. F. (2023). America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything. N. Y.: Broadside Books.

Taylor Ch. (1989). Sources of the Self: The Making of Modern Identity. Cambridge: Harvard Univ. Press.

Trueman C. R. (2020). The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution. Wheaton: Crossway.

Wilcox B. (2024). Get Married: Why Americans Must Defy the Elites, Forge Strong Families, and Save Civilization. N. Y.: Broadside Books.

REFERENCES

Al Gharbi M. (2024) *We Have Never Been Woke: The Cultural Contradictions of a New Elite*, Princeton: Princeton University Press.

Afanasov N. B. (2024) "On Modernism and Contemporaneity of Traditional Values", *Patria*, vol. 1, no. 1, pp. 30–49.

Bell D. (2004) *The Coming of Post-Industrial Society*, Moscow: Academia.

Bohrer A. J. (2019) *Marxism and Intersectionality: Race, Gender, Class and Sexuality under Contemporary Capitalism*, Bielefeld: Transcript-Verlag.

Burnham J. (1941) *The Managerial Revolution: What Is Happening in the World*, N. Y.: John Day Co.

Case A., Deaton A. (2020) *Deaths of Despair and the Future of Capitalism*, Princeton: Princeton University Press.

Davydov D. A. (2023) "When Rightists are to the Left of Leftists. Anomalies of Left-Wing Discourses in the Heyday of Post-Materialism", *Antinomii*, vol. 23, no. 1, pp. 51–89.

DeBoer F. (2024) *How Elites Ate the Social Justice Movement*, N. Y.: Simon & Schuster.

Executive Order Approving Fundamentals of State Policy for Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values (2022) (http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502, accessed on 28.01.2025).

Fishman L. G. (2015) "Ideology and Victory", *Politeia*, no. 3 (78), pp. 111–119.

Fox: Trump Will Shut Down All Inclusion Programs in Government (2025) (https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22920853, accessed on 28.01.2025).

Frank T. (2018) *Rendezvous with Oblivion: Reports from a Sinking Society*, N. Y.: Metropolitan Books.

Girinskii A. A., Azyrkin P. D. (2024) "Conservative Modernity", *Russia in Global Affairs*, vol. 22, no. 5, pp. 41–58.

Goodhart D. (2017) *The Road to Somewhere: The Populist Revolt and the Future of Politics*, L.: Hurst.

Goodwin M. (2023) *Values, Voice and Virtue: The New British Politics*, L.: Penguin UK.

Henderson R. (2024) *Troubled: A Memoir of Foster Care, Family, and Social Class*, N. Y.: Gallery Books.

Hester H., Srnicek N. (2023) *After Work: A History of the Home and the Fight for Free Time*, N. Y.: Verso.

Inglehart R. (1977) *The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*, Princeton: Princeton University Press.

Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization*, Princeton: Princeton University Press.

Inglehart R. (2022) *Religion's Sudden Decline: What's Causing It, and What Comes Next?* Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

Karaganov S. A. (2022) "From the Non-West to the Global Majority", *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 5, pp. 6–18.

Kearney M. S. (2023) *The Two-Parent Privilege: How Americans Stopped Getting Married and Started Falling Behind*, Chicago: University of Chicago Press.

Kimball R. (2001) *The Long March: How the Cultural Revolution of the 1960s Changed America*, N. Y.: Encounter Books.

Lewis S. A. (2019) *Full Surrogacy Now: Feminism against Family*, N. Y.: Verso.

Lomborg B. (2020) *False Alarm: How Climate Change Panic Costs Us Trillions, Hurts the Poor, and Fails to Fix the Planet*, N. Y.: Basic Books.

Mezhuev B. V. (2017) ""Island Russia" and Russia's Identity Politics", *Russia in Global Affairs*, vol. 15, no. 2, pp. 116–129.

Moiseev D. S., Sigachev M. I., Kharin A. N., Arteev S. P. (2023) "The Concept of Global Conservatism", *Russia in Global Affairs*, vol. 21, no. 5, pp. 108–123.

Mounk Y. (2023) *The Identity Trap: A Story of Ideas and Power in Our Time*, N. Y.: Penguin Press.

New Poll: Despite Blue-Collar Troubles, Harris Has Slight Lead over Trump in Pennsylvania (2024) (https://jacobin.com/2024/10/harris-trump-pa-workers-election-poll, accessed on 28.01.2025).

Norris P., Inglehart R. (2019) *Cultural Backlash. Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*, Cambridge: Cambridge University Press.

Perry L. (2022) *The Case against the Sexual Revolution: A New Guide to Sex in the 21st Century*, Moscow: Izdatel'stvo AST.

Rubin B. (2014) *Silent Revolution: How the Left Rose to Political Power and Cultural Dominance*, N. Y.: Broadside Books.

Ruffini P. (2023) *Party of the People: Inside the Multiracial Populist Coalition Remaking the GOP*, N. Y.: Simon & Schuster.

Rufo C. F. (2023) *America's Cultural Revolution: How the Radical Left Conquered Everything*, N. Y.: Broadside Books.

Savenkov A. N., Zhukov V. N. (2023) "The Russian Idea in the Philosophy of Law", *Gosudarstvo i pravo*, no. 6, pp. 7–23.

Taylor Ch. (1989) *Sources of the Self: The Making of Modern Identity*, Cambridge: Harvard University Press.

Trenin D. V. (2022) "Who We Are, Where We Are, What We Are for", *Russia in Global Affairs*, vol. 20, no. 3, pp. 32–42.

Trueman C. R. (2020) *The Rise and Triumph of the Modern Self: Cultural Amnesia, Expressive Individualism, and the Road to Sexual Revolution*, Wheaton: Crossway.

Tsymburskii V. L. (2007) *The Island of Russia: Geopolitical and Chrono-Political Works, 1993–2006*, Moscow: ROSSPEN.

Vakhitov R. R. (2024) *Marxism and the Classics: From Lenin to Ilyenkov*, Moscow; Berlin: Direktmedia Pablishing.

Wilcox B. (2024) *Get Married: Why Americans Must Defy the Elites, Forge Strong Families, and Save Civilization*, N. Y.: Broadside Books.